

ГЛАВА II.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ЛИНИИ В РОССИИ В XIX в.

(на материалах полемики Г.В. Плеханова
с Э. Бернштейном и русскими позитивистами)

§ 1. МЕТОДОЛОГИЯ ПЛЕХАНОВСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА Э. БЕРНШТЕЙНА

Данная глава посвящена раскрытию сложной эволюции марксистских философских взглядов Г.В. Плеханова. В решении этой проблемы в отечественном плехановедении наметилось два основных подхода. Суть одного из них состоит в том, что философское наследие Г.В. Плеханова после 1883 г. следует однозначно оценивать как марксистское, диалектическое, что некоторые ошибки и слабости в его работах не отменяют их ценности. Главной же причиной того, что Г.В. Плеханов не последовал властному велению времени - дать глубокую и цельную разработку философии К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к условиям XX в., что он остался на уровне марксизма II Интернационала с присущими ему ограниченностями и отступлениями от революционной диалектики, являлась его политическая трагедия - политические ошибки и односторонность взглядов¹.

В рамках другого подхода предпринимаются попытки объяснить политическую непоследовательность Г.В. Плеханова его специфичной трактовкой марксистской философии, его интерпретацией отдельных философских предпосылок марксистского учения, а также раскрыть социальную и теоретическую обусловленность хода мысли Плеханова. Эта точка зрения представлена Пустарнаковым В.Ф., Богдановым Б.В.²

Плеханов - первый марксистский теоретик России - не мог допустить принятия аргументов и общего направления теоретической мысли Э. Бернштейна. Этим и объясняется острота полемики этих двух теоретиков, полемики, в которой Г.В. Плеханов защищал марксизм К. Маркса, Ф. Энгельса, отстаивал свое "ортодоксальное" понимание философии марксизма, названное им впоследствии марксистским диалектико-материалистическим подходом.

Анализируя подход Г.В. Плеханова к оценке новейших идей Бернштейна, надо помнить, что основополагающим моментом в его мировоззрении явилось признание марксизма единственной теорией, которая верно объясняет как сам ход общественного раз-

вития, так и современное ему положение дел. К убеждению в истинности этого положения он пришел в результате применимости теоретических положений марксизма к конкретной социально-политической ситуации в России. В качестве методологической основы этой проверки у Плеханова "работала" дедуктивная модель выведения частных марксистских истин из общих положений марксизма. Функционирование этой модели на том этапе развития Плеханова-марксиста связано с его представлением о развитии философии как о логическом развитии философских идей³.

Такая методологическая основа детерминировалась безоговорочным принятием Г.В. Плехановым логической модели развития человечества К. Маркса, что вытекало из логики становления Плеханова-марксиста⁴.

Плеханов считал, что неотъемлемой теоретической базой марксистского учения является материалистический монизм, диалектика и материалистическое понимание истории. Поэтому главное внимание он обращал на отстаивание правильного марксистского понимания и интерпретацию данных проблем. Плеханов был единственным во II Интернационале теоретиком, который ясно и четко поставил перед международным рабочим движением вопрос об отрицательных последствиях игнорирования проблем материалистической диалектики и философского материализма, показал, что отказ от материализма является борьбой против социализма как теории и как практики рабочего движения, направленных на осуществление конечной цели - социалистического переустройства общества.

Если Плеханов в ходе своего теоретического анализа обнаруживает отход от марксизма в указанных основополагающих моментах, то такая концепция оценивалась как немарксистская. В такой постановке вопроса оказалась присутствующая у Плеханова с самого начала его становления как марксиста метафизическая схема выбора альтернатив: либо марксизм (принятый и исповедуемый аксиоматически), либо немарксизм. А проводимый им односторонний принцип развития марксизма как дедуктивного выведения частных марксистских истин из общих положений, как конкретизации (в сущности, метафизический принцип развития) сыграл роль методологических шор, которые направили его внимание лишь на рассмотрение отхода Бернштейна от философии марксизма.

Но даже такой метод выбора предмета критики имел свои "плюсы". Он позволял популяризировать марксизм, его философию ориентировал рабочий класс на усвоение научной идеологии марксизма. В ходе критического анализа Плеханов использовал уже

испытанную им методологию: вычленение оснований теории, ее анализа с точки зрения содержания и формы, нетерпимость ко всяким попыткам отказа от основополагающих идей марксизма, резко полемический характер изложения. Именно такой путь критического анализа немарксистских теорий (народничество, анархизм) принес ему известность. В ходе осмысления основополагающих моментов пересмотра Бернштейном философии марксизма, плехановская методология научных исследований углубляется; в качестве самостоятельных единиц философского исследования у него появляются выявление гносеологических и идейно-теоретических предпосылок, классовой сущности разбираемой теории. Плеханов был убежден, что главной существенной характеристикой марксистского мировоззрения является его классовая ориентация. Марксизм в его понимании - научная материалистическая система философских, экономических и социально-политических взглядов, составляющих мировоззрение рабочего класса, коренным образом противоположное мировоззрению буржуазии. Эта противоположность и являлась доминантой его оценки философских взглядов Бернштейна, в которой в качестве главного недостатка последнего он видел замещение идей у буржуазных ученых.

В процессе марксистского критического анализа различных философских течений нельзя ограничиваться сугубо теоретической областью. Необходимо еще как диалектико-материалистическое решение поставленных развитием теорий или объективной действительности проблем, так и показ практически-политической направленности данного течения.

Плеханов в брошюре "Сант против Капта" критикует Бернштейна за непонимание марксизма как целостного учения, непонимание роли и значения в нем философской составляющей, поднимает вопросы теории материалистической диалектики. Это именно те вопросы, которые в процессе усвоения марксизма непосредственными последователями Маркса и Энгельса - лидерами Интернационала - не получили должной разработки, а подчас и выносились вообще за рамки марксизма, как не имеющие существенного значения.

Плеханов считал, что основу марксизма составляет его философия, которую он характеризовал как диалектический материализм. При этом с последним он связывал и материалистическое понимание истины, и материалистическое объяснение развития природы. Диалектический и исторический материализм представляет собой в понимании Г.В. Плеханова целостную философскую систему, отвечающую как мировоззренческим запросам естествознания, общественных наук, так и революционной практики. Поэтому исследо-

вания системы Маркса и Энгельса должно начинаться с рассмотрения "общих философских основ этого мирозерцания". И хотя "материалистическое объяснение истории, действительно, является одним из самых главных отличительных принципов марксизма", оно "все-таки составляет лишь часть материалистического мирозерцания Маркса-Энгельса"⁶. Этот тезис Плеханов противопоставил трактовке Бернштейном философии марксизма как социально-исторической теории. Поэтому, исходя из своего убеждения, что "метод, несомненно, составляет душу всякой философской системы"⁷, Плеханов начинает систематический разбор взглядов Бернштейна с вопроса о диалектике.

Установив потенциальную ложность аргументов Бернштейна, Плеханов не вскрывает подлинные причины диалектики общественных отношений в новых исторических условиях, не вскрывает механизм "опровержения" Бернштейном марксизма, а лишь останавливается на констатации факта неточности ссылок Бернштейна на действительность и неубедительность его указаний на новейшие факты хозяйственного развития. Неумение применить материалистическую диалектику как метод философского исследования современной ему жизни вынуждает Плеханова решать эту задачу не столько применительно к современному ему буржуазному обществу, сколько применительно к абстрактному буржуазному обществу, взяв за отправной пункт рассуждений коренную противоположность буржуазного и социал-демократического мировоззрений. В целом, Плеханов выявил социально-классовые причины, породившие бернштейнианский пересмотр марксизма, и следствия, которые из него вытекают. Он был, пожалуй, единственным в западно-европейской социал-демократии теоретиком, осознавшим тесную связь критики марксистской философии бернштейнианцами с их переориентацией на реформизм. Выявление этой связи еще раз подтвердило глубокое убеждение Плеханова в том, что изменение политических ориентиров обусловлено изменением философско-теоретических позиций. Менее исследована проблема бернштейнианства как теоретического обоснования оппортунизма, как отраженные стремления определенных социальных групп.

Анализ плехановского разбора аргументов Бернштейна против необходимости классовой борьбы и диктатуры пролетариата показывает, что критика философских положений бернштейнианства выливается у Плеханова практически в политическую программу Российской рабочей социал-демократической партии на основе так называемого бернштейнианства "диалектического" марксизма. Плеханов считал, что в своей деятельности партия должна была

сознательно воплотить познанные средствами марксистской теории объективно-исторические тенденции общественно-политического развития России, она должна быть сознательным выразителем объективно-исторического процесса. Поэтому основную задачу деятельности рабочей партии Плеханов видит в теоретическом освоении революционной теории марксизма, просветительской деятельности интеллигенции. Плеханов показывает, что "догмат" марксизма о необходимости классовой борьбы является атрибутом объективно-исторического развития общества. В данной постановке вопроса и его решении Плехановым вновь проявились его абсолютизация идеи объективной закономерности общественного развития, его объективизм. Акцент на обусловленность исторического развития общества экономическими отношениями, его противопоставление субъективистским и идеалистическим трактовкам исторического процесса, убежденность в надежности прогностической функции марксизма пронескались из созерцательного истолкования Плехановым практики как опыта. Однако этот же акцент способствовал консолидации социал-демократического движения, вселяя уверенность в скором и победоносном исходе революционной борьбы за социализм. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, где объективно-исторический и конкретно-исторический подходы исследования совпадают. Эта ситуация, в которой недостатки плехановской методологии не мешают ему в реализации мировоззренческой направленности мышления; когда особенности плехановской интерпретации марксизма, методологические результаты мышления дают ему возможность делать на основе марксизма новые теоретические выводы.

С проблемой получения нового знания связано плехановское понимание развития марксизма. Ряд своих исследований, посвященных характеру новизны в марксистской теории (это исследование опосредованного воздействия экономических условий на формы общественного сознания, соотношение идеологии и психологии, анализ диалектической связи свободы и необходимости в истории, роли личности и др.), Плеханов расценивал как конкретизацию, дополнение основных положений Маркса и Энгельса. С данной методологической установкой связана и плехановская оценка развития Энгельсом в 90-е гг. XIX в. учения о роли общественного сознания как конкретизация ранее высказанных идей⁸.

Плеханов пишет: "Закрывающиеся в письме от 1890 г. рассуждения Энгельса о том, что исторические события могут рассматриваться как продукт силы, работающей бессознательно, есть то же самое, что в предисловии говорит Маркс о действии основной при-

чины общественного развития, независимой от сознания и воли людей. Здесь - полнейшее тождество, а Э. Бернштейн ухитрился понять слова Энгельса, как нечто, изменяющее смысл предисловия¹⁹. То есть в том, в чем Плеханов видел односторонние лишь конкретизацию теоретических положений марксизма, Бернштейн увидел развитие, эволюцию. Однако истолковал это как развитие марксизма в сторону от ранее высказанных основополагающих теоретических положений.

Здесь мы сталкиваемся с разными, однако неверными позициями, которые послужили отправной точкой для Плеханова в сторону догматизма, в защиту "буквы" марксизма, для Бернштейна - к пересмотру революционного марксизма, отходу от него (против чего выступал Плеханов, но с иных мировоззренческих позиций). Эти основные варианты (методологические и мировоззренческие) решения проблемы развития марксизма дали на рубеже XIX-XX вв. начало многим "марксизмам".

Таким образом, главной особенностью методологии плехановского исследования философского ревизионизма являлась не конструктивная, а негативная критика, отвержение теоретических посылок Бернштейна как несостоятельных, показ их формально-логической противоречивости, несоответствия объективной истине, показ некомпетентности Бернштейна в области философии и политической экономии марксизма. Объективистское прочтение марксистской философии Плехановым, его интерпретация практики как опыта повлекли за собой превращение его сознательного стремления применить диалектико-материалистическую методологию философского исследования современной жизни в стихийное подчинение проводимых им исследований социо-культурной детерминанте развития теоретического знания. Известный логицизм его взглядов на развитие философского знания обусловил и то, что в процессе критического анализа философских взглядов Бернштейна Плеханов противопоставлял ему по большей части не столько марксизм, сколько материалистическую и рационалистическую традиции в истории философии. Также важной методологической особенностью его анализа явилось понимание Плехановым развития марксизма как конкретизации, дополнения доказательств истинности общих марксистских принципов новыми фактами.

Плехановский подход в проблеме развития теории марксизма был прямо противоположен методологической попытке бернштейнства. Для последнего марксизм не самоцель, а один из возможных инструментов познания общества. Его методология не скована установкой на правильное отыскывание в марксистской теории

ответов на все существенные вопросы, поэтому она свободна в выборе теоретических предпосылок своих исследований, она не требует заботы о чистоте используемых теорий, акцентируя внимание лишь на восстановлении "единства теории и практики". Отличительной чертой бернштейнианского варианта такого рода методологии теоретической деятельности является еще и то, что за основу поиска новых теоретических исследований берется марксистская теория общественно-исторического процесса, а в качестве ее теоретического обоснования лежит принцип развития. Такая методологическая установка оказалась удобной, в теоретическом плане она стимулировала поиск различными теоретиками собственных путей решения проблем как в теории, так и на практике. Поэтому она широко распространена и сейчас. Неприятие как догматической интерпретации марксизма, так и теоретически обоснованного Лениным пути социального развития (ядро которого составляет его ориентация на социалистическую революцию) делают такую методологию все более привлекательной в свете активного поиска альтернатив движению современного капиталистического общества к социализму. Не редки попытки соединения марксизма с различного рода немарксистскими философскими течениями. Главная цель такого рода теоретических исследований - преодоление радикальной революционной направленности марксистского учения. Для реализации этой задачи и служит (в теории) указанная выше методология.

Особенности ведения теоретической полемики Плеханова непосредственно детерминировались теми мировоззренческими и методологическими принципами, которые лежали в основе его марксистских убеждений.

Решающим моментом в формировании марксистских взглядов Плеханова был отказ от народнических иллюзий, относимых большинством исследователей его философского наследия к 1883 г. В ходе осмысления народнической практики 70-х гг. Плеханов использует традиционную логику развития теории - конкретизацию, стремится разрешить возникающие в теории противоречия путем привлечения всех возможных концепций современности, включая марксизм. Параллельно с этим у Плеханова складывается убеждение в необходимости анализа изменяющейся социально-политической действительности. Необходимость учета роста и влияния рабочего движения, не вписывающихся в рамки народнической теории, вынуждает его отказаться от плавной логики развития последней. Он сознает, что развитие действительности, появление в ней многочисленных аномалий (с точки зрения народнической

теории) подвело ее к тому, что никакое латание не могло объяснить внутренние противоречия. Приближался тот момент, когда старая теория должна быть приведена в соответствие с действительностью или быть отброшена. Плеханов тонко чувствует это¹⁰.

В 80-х гг., как и в предыдущем десятилетии, оживленно обсуждалась возможность применения учения Маркса в России. В противоположность народникам, отрицавшим применимость Марксова научного социализма в России и приписывавших автору "Капитала" "смешной вывод" о том, что Россия должна пройти совершенно те же фазы развития, которые были пройдены Западной Европой, Плеханов доказывал, что история западно-европейских отношений положена Марксом лишь в основу изложенной им в "Капитале" истории капиталистического производства. Но "общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор "Капитала", ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений"¹¹. Одним словом, с точки зрения Плеханова, в России может быть применена и методология материалистического понимания истории как методология универсальная. В вопросе о том, "должна" или "не должна" Россия пройти через школу капитализма, Плеханов также занял позицию, противоположную народникам. Если народники спорили о том, следует или не следует из "Капитала" вывод о необходимости для России пройти стадию капитализма, то Плеханов истолковал значение книги Маркса иначе. "В "Капитале", - справедливо отметил он, - речь идет о ходе капиталистического развития, "обязательного" для тех стран, где это развитие имеет место"¹².

Плеханов признал ошибочным тезис, согласно которому экономическая структура русского общества не имеет ничего общего со строем Запада, что Россия является такой же отсталой страной, как, например, Китай, хотя одновременно Плеханов усматривал в общественно-экономическом строе страны много "азиатчины". Он был также прав, когда говорил, что русский капитализм после 1861 г. добился больших успехов, что товарное производство в стране быстро шло на смену натуральному хозяйству, что общинные формы быстро разлагались и шел процесс создания нового класса - промышленного пролетариата. В распоряжении Плеханова имелось

мало фактов, свидетельствующих о развитии фабричного производства и капиталистических производственных отношений в русском хозяйстве, о растущих экономических и политических амбициях "среднего класса", об экономической политике самодержавного правительства в период и после реформы 1861 г. Опираясь на "Капитал", Плеханов пришел к выводу о том, что в России в силу внутренней, неизбежной диалектики товарное производство на известной стадии его развития превратится в капиталистическое, что российский капитализм может стать и уже становится полноправным хозяином в России. В "Наших разногласиях" Плеханов стремится определить ту стадию, на которой находится Россия в своем развитии по пути капитализма: стадия охвата национальной промышленности мануфактурой¹³. Из политико-экономического анализа российской действительности Плеханов сделал принципиальный вывод о том, что пролетариат революционизирует общественные отношения в России, что именно он нанесет смертельный удар самодержавию и поэтому именно с пролетариатом должна вязать свои надежды социал-демократия. "Революционное движение рабочих", - заявил Плеханов от имени молодой социал-демократии. Изучение произведений Маркса и Энгельса, немецкой философской философии, знакомство с европейским рабочим движением, в котором все большее влияние приобретала марксистская идеология, способствовали отказу Плеханова от фундаментальных идей народничества. Он безоговорочно переходит на позиции марксизма, что означало принятие им основополагающей идеи Маркса и Энгельса обращения к рабочему классу и, как следствие, изменение его мировоззренческой ориентации. В плане изменения методологических ориентиров теоретического мышления принятие марксизма означало для Плеханова пересмотр идеалов и норм национальной деятельности. Увидев в марксистской диалектике тот аппарат, с помощью которого описание и объяснение развития современного ему российского общества единственно возможно, Плеханов понял основополагающую роль и значение философской теории и ее метода (материалистической диалектики) в общей структуре марксистского мировоззрения и принял это в качестве аксиомы. Опираясь на марксистскую диалектику, Плеханов пришел к выводу о наличии в России капиталистического производства и приемлемости марксизма к России как к обществу восходящего капитализма¹⁴. Конкретно-историческое же своеобразие капиталистического развития России того периода сводилось лишь к несущественным особенностям, связанным с более поздним вступлением ее на капи-

талистический путь развития. Рассуждения о возможности самобытного пути развития России Плеханов расценивал как абстрактно-схоластическое занятие. В целом, отказ от возможности самобытного пути России был объективно-исторически оправдан, логически - проистекал от выбора альтернатив в соответствии с формально-логическим законом.

В результате Плеханов приходит к убеждению в истинности Марксовой логической модели развития истории человечества. Она становится для Плеханова живым конкретным процессом, марксистские общеполитические и политические положения становятся для него "краеугольными камнями" теоретической деятельности, сущность которой он сам определил как развитие марксизма. Теоретически Плеханов рассматривал марксизм не просто как рецепт, пригодный для всех стран, а как "...направление, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов". Он выступал против "догматического верования в заученные формулы"¹⁶, считая такой способ мышления проявлением умственной упадка. На практике же необходимость развития марксизма сводится для него к перенесению основных положений марксистского учения (разработанных относительно Германии, Англии, Франции), верных, объективно истинных для того времени, путем адаптации к России и их конкретизации.

Внимание Плеханова к индуктивным и дедуктивным методам рассуждения, аналогично базировалось на его понимании критериев научности, к которым он относит доказательность, системность, логическую непротиворечивость. Отсюда вытекает идеал доказательного знания - материалистическое построение научной теории.

Для мировоззрения Плеханова характерно, если можно так выразиться, "философское видение мира". "Метод - это самое главное, если он верен, то по необходимости верны будут те результаты, которым он приводит"¹⁷, - не раз говорил Плеханов, хотя понимал, что сам по себе даже правильный метод, если он применяется неверно, не может дать верных результатов. Приведенное высказывание Плеханова настолько глубоко пронизывало все его выступления, что Ленину и его единомышленникам не раз и по самым различным поводам приходилось в ответ Плеханову подчеркивать, что правильная методологическая схема не исключает, а, наоборот, предполагает детальное изучение конкретной действительности, что анализа живой жизни даже правильный метод ведет к схематизму. Плеханов справедливо считал, что по отношению к естественным общественным наукам методологическую функцию выполняет философия. Но как он представлял себе механизм реализации э

функции? В прошлом, заявлял Плеханов, философия оказала огромные услуги естествознанию. Какие же это услуги? Философия занималась теми же задачами, что и конкретные научные исследования; она стремилась при этом или опередить науку, давая "свои собственные гадательные решения", или резюмировала и логически обрабатывала найденные наукой решения. Ну а как быть с диалектическим материализмом? Перед ним, по Плеханову, стояла следующая задача: оказать соответствующие услуги прежде всего социальным наукам, поскольку "моральные и политические науки" оставались в действительности без научного обоснования и были полны противоречий. Задача диалектического материализма перед социальными науками, по Плеханову, состоит в том, чтобы освободить эти науки из "лабиринта противоречий". "По выполнению этой задачи, - думал Плеханов, - философия могла бы сказать: "Я исполнила свой долг, я могу уйти", так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии"¹⁸. Получается, что пока время точной науки не наступило, Плеханов больше полагается на философию. Однако, это не совсем так. Своеобразное понимание Плехановым функций диалектического материализма определяется его отношением к диалектике. Для Плеханова, так же как и для Гегеля, Маркса - диалектика не только учение о развитии, но и логика мышления и, следовательно, метод; а истина - предмет и теория познания и логики. В гегелевской философской системе метод "не есть нечто отличное от своего предмета"; у Гегеля метод в конечном счете перерастает в самую философскую систему, движение метода есть движение самой сути дела, а логика является подлинной метафизикой. Метод, по Гегелю, - это сокращенное выражение самой философии, ее душа и субстанция. Нечто аналогичное мы обнаруживаем в плехановском толковании метода материалистической диалектики: это то же по преимуществу учение о самом предмете, о самой "суть дела", а диалектика как логика и теория познания материализма, именно как метод познания, постижения субъектом объекта, остается у Плеханова в тени.

В "Философских тетрадах" Ленин выявил в качестве недостатка изложения диалектики Плехановым пренебрежение необходимостью ее рассмотрения в единстве всех аспектов: онтологического, гносеологического и логического. Такое изложение диалектики существенно ее обедняет, ибо в таком понимании она не выступает как результат всей истории познания и практики, каковой она и является, и только поэтому приобретает логическое и методологическое значение.

Плеханов, характеризуя диалектику как метод, выделяет такую ее важнейшую особенность, как критическое восприятие мира. Каждый, кто руководствуется диалектикой, неизбежно приходит к критическим и революционным выводам. Именно поэтому диалектика является средством теоретического обоснования революционных выводов марксизма, "могучим орудием революционного мышления", "самым революционным из всех методов", "алгеброй революции"¹⁹.

Критике Плеханов отводит огромную роль в борьбе с догматизмом. Уже в первых марксистских работах, отстаивая свое право на полемику с анархистами, бакунистами, народниками, он борется за критическое отношение к понятиям прошлого, ополчается против всякой "боязни самого меньшего прикосновения к "заученным формулам"²⁰. Ведь критика - это опасный враг заблуждений, пустой, хотя и революционной фразы, но она надежная опора истины: истина питается критикой²¹.

В борьбе с ревизионизмом, ставившим под сомнение "конечную цель" социалистического движения, Плеханов убедительно показал, что эта цель - не утопия, не предмет религиозной веры, а предмет безошибочного знания, открытого в результате конкретного, научного предвидения. Эта цель есть "действительность будущего". В ответ на заявление Бернштейна о невозможности научного социализма, - поскольку основой всякой истинной науки является опыт, она строит свое здание на накопленном знании, социализм же - это учение о будущем общественном порядке, - он писал: "Если справедлива та мысль, что настоящее беременно будущим, то научное изучение настоящего должно дать нам возможность предвидеть некоторые явления будущего не на основании каких-либо таинственных пророчеств или каких-нибудь произвольных и отвлеченных рассуждений, а именно на основании "опыта", на основании знаний, накопленных наукой"²².

Таким образом, переход Плеханова от народничества к марксизму осуществляется еще по законам метафизического мышления: из двух возможных альтернатив, которые существовали для Плеханова-народника, он выбрал одну (Россия должна идти по пути развития, аналогичному развитию капитализма в Западной Европе), а другую (возможность своеобразного, отличного от Западной Европы пути общественного развития) отбросил как несостоятельную раз и навсегда. В его представлении в этот период утверждается также и объективистское ожидание и вера в положительные стороны капиталистического прогресса, с которыми он однозначно свя-

зывает и дальнейший путь развития России, и перспективы ее революционного обновления.

Для Плеханова характерно созерцательное истолкование марксистской гносеологии, исключение из содержания практики предметно-преобразующей деятельности, что ориентировало на ретроспективное познание, исключая тем самым возможность средствами марксистской теории объяснить конкретно-исторические противоречия реальной действительности. Плеханов исповедовал расширительную трактовку философии, когда в ней растворялось все теоретическое содержание марксизма. Полученное средствами философского анализа знание всеобщих закономерностей представлялось ему необходимым и достаточным для познания нового. Плеханов считал, что материалистическая диалектика как метод познания дает возможность анализа обобщения результатов лишь предшествующего развития. Поэтому конкретные выводы, полученные самим Плехановым, рассматривались им лишь как подтверждение общих теоретических схем, как сумма примеров, иллюстрирующих всеобщий характер материалистической диалектики. В такой интерпретации марксистский диалектический метод превращается исключительно в философскую теорию, но не может служить орудием исследования развивающейся действительности. Теоретически Плеханов признает за марксистской теорией принципиальную возможность предвидения будущих событий. Конкретно же исторически, констатируя невозможность предсказать все "частности" переходного периода от капитализма к социализму, Плеханов отказывается и от теоретической разработки проблемы буржуазно-демократических преобразований. Он все больше уходит в рассмотрение отвлеченных вопросов, абстрактных рассуждений. Главный упор делается им на объективность марксистских общетеоретических положений, доказательство их результатами новых исследований. Отсюда закономерным представляется тот факт, что главной своей теоретической задачей Плеханов считает показ преемственности марксизма и предшествующих учений, раскрытие закономерного и необходимого характера появления марксизма. Все более усиливается тенденция Плеханова рассматривать теорию с точки зрения ее внутренней логики, вне связи с развивающейся действительностью. Это делает невозможным для него объяснить причину отказа К. Маркса и Ф. Энгельса от ряда идей предшествующего материализма и их переработки. В своем анализе Плеханов ограничивается лишь противопоставлением взглядов К. Маркса и других философов и не исследует содержание и принципы диалектического метода марксизма.

В ходе полемики с немарксистскими теориями у Плеханова складывается еще один стереотип мышления. Он всегда оценивает немарксистскую концепцию главным образом с точки зрения содержания, с точки зрения выводов относительно способов и путей борьбы за переустройство общества на социалистических началах. И если они не соответствуют программе Плеханова-марксиста, ее критика обрушивается именно на ошибки исторического и логического характера, эклектичность концепции и т.д. А проблема теоретического осмысления изменений в экономике и политике западных европейских стран в период перехода капитализма в более высокую монополистическую стадию развития, теоретического анализа конкретных проявлений новизны в общественном развитии в этот период прошли мимо внимания Плеханова. Поэтому он не смог увидеть и проанализировать различия между интерпретациями марксистской теории в тот период времени и собственно теоретическим наследием Маркса и Энгельса.

В рассматриваемый период отстаивание марксистами ортодоксами лишь "буквы" марксизма, его детализация, неумение принять в полном объеме диалектику в качестве методологического руководства научного исследования конкретно-исторических особенностей общественного прогресса привели к вульгаризации марксизма, к его догматической деформации. Марксизм в интерпретации ортодоксов, не развиваясь вместе с ходом истории, перерождается в свою противоположность. То есть недостатки в освоении диалектического метода, детерминировав догматическую интерпретацию марксизма²³, сблизили в конечном счете марксиста Плеханова с теми критиками марксизма, против которых он боролся в свою жизнь в науке. В этом вопросе отечественная историко-философская наука лишь совсем недавно назвала вещи своими именами²⁴.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ ПЛЕХАНОВСКОЙ ВЕРСИИ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Главной областью философии, в которой Плеханов вел дискуссию с русскими позитивистами, была теория познания. Он стремился защитить "ортодоксальное" марксистское понимание проблем гносеологии, не допуская их "ревизию" со стороны махистов. Теория "ортодоксальный марксизм Плеханова" широко распространена в отечественной и зарубежной литературе. Большинство авторов вкладывают однозначное содержание в этот термин, понимая под ним намерение Плеханова отстоять и донести до читателя

"истинное" учение Маркса. Тем самым в комментаторской литературе происходит подчас неосознанное отождествление "ортодоксального" марксизма с "истинным, действительным" Марксом. Попытаемся раскрыть учение Плеханова о философском материализме Маркса, выяснив, как плехановское решение основного вопроса философии определяет принципиальную критику кантианства и махизма.

Определяя материю как источник наших ощущений, Плеханов указывает на принципиально разное понимание опыта кантианцами, махистами и материалистами. Опыт есть результат взаимодействия между субъектом и объектом, но объект существует вне субъекта и тогда, когда между ними нет никакого взаимодействия. Такое толкование опыта никогда не примет субъективный идеалист. Материалисты, признавая независимое существование "вещи в себе", материю, в то же время считают, что вещи доступны нашему опыту. Для Богданова же определение "Материя есть то, что служит источником наших ощущений" лишено всякого смысла²⁵. Излагая энгельсовскую критику агностицизма, Плеханов подчеркивает, что целиком присоединяется к точке зрения Энгельса и заранее отказывается от всех гносеологических взглядов, которые в какой-либо степени противоречат теории познания марксистской философии.

В борьбе против махизма Плеханов упорно проводил положение диалектического материализма о двух линиях в философии, о их непримиримости, о невозможности третьей линии. Он выступил в защиту принципа познаваемости мира. Плеханов продолжал отстаивать единство всех составных частей марксизма, доказывая, что философской основой марксистской науки может быть только диалектический материализм. Но встает вопрос, в какой степени глубоко и обоснованно защищал Плеханов материализм в борьбе с махизмом, достаточно ли было тех решений коренных вопросов материалистической гносеологии, которые он дал для того, чтобы преодолеть агностицизм и субъективизм эмпириокритицизма. По Плеханову, "коренным вопросом философии" является вопрос отношения я к не-я, сознания к бытию, субъекта к объекту. Одни мыслители берут за точку отправления объект, бытие, природу. При этом им приходится объяснить, каким образом к объекту прибавляется субъект, к бытию - сознание к природе - дух. У других - наоборот, как бытие, сознание, дух. Они должны объяснить, каким образом к субъекту прибавляется объект, к сознанию - бытие, к духу - природа. Те, кто отправляются от объекта и мыслят последовательно, считает Плеханов, являются материалистами.

Именно постулаты об объекте являются поэтому для Плеханова исходным пунктом при развертывании его философской системы. Конкретной формой такого истолкования "коренного вопроса философии" является плехановская постановка материальной субстанции как исходной и главной категории философии марксизма. "Если, - писал Плеханов, - устранено понятие о субстанции, то тем самым устранены и важнейшие из тех вопросов, над которыми так долго билась философия. Между ними самое важное место занимают вопросы о субъекте, об объекте и об их взаимном отношении; тот, кто отрицает понятие субстанции, логически приходит к махизму"²⁶. Исторически сложилось так, что философская категория "субстанция" всегда означала нечто неизменное, то, что существует благодаря самому себе и в самом себе. У Плеханова субстанция подчинена законам развития, но в определенном смысле и у Плеханова субстанция всегда остается неизменной: в процессе развития возникает не новая субстанция, а лишь новое состояние субстанции, новое соотношение между ее частями.

В свете таких высказываний понятной становится и нашумевшая формула Плеханова о спинозизме: "Современный материализм представляет собой более или менее осознавший себя спинозизм"²⁷; "...материализм в том виде, как он был разработан в восемнадцатом столетии и как он был принят основателями научного социализма, является теорией, которая учит нас, что "мы не можем знать мыслящей субстанции вне субстанции, обладающей протяжением, и что мысль является, в том же смысле, как и движение, функцией материи". Но это есть отрицание философского дуализма, и это возвращает нас прямоком к старику Спинозе с его единой субстанцией, для которой протяжение и мысль являются только атрибутами"²⁸. На вопрос о том, как понимать выражение "материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма", Плеханов отвечал: "...Маркса и Энгельса, как уже и у Дидро, спинозизм был освобожден от его теологической внешности, только и всего"²⁹.

По мнению Плеханова, все материалисты - непосредственные предшественники Маркса - являются спинозистами.

Плеханов, признавая, что в философии Фейербаха Маркс и Энгельс совершили целый переворот, что она подверглась дальнейшей и в высшей степени плодотворной переработке³⁰, что Марксов критика Фейербаха стала исходным пунктом новой фазы в развитии материализма, тем не менее утверждал, что Маркс и Энгельс навсегда остались единомышленниками Фейербаха в вопросах философии, собственно так называемой³¹, что критика Марксом Энгельсом фейербаховского материализма не касалась его основ. У

Плеханова Фейербах выступал представителем самой глубокой и наиболее современной философской теории, хотя его философия в некоторых своих чертах признавалась "превзойденною ступенью" философского развития. Поэтому Плеханов убежденно говорил: "Когда Энгельс пишет, что к "лагерю материалистов надо отнести всех тех, которые основным началом считают природу" (см. его сочинение "Людвиг Фейербах"), то он только повторяет слова Фейербаха: "Истинное отношение мышления к бытию состоит лишь в том, что бытие - это субъект; мышление-предикат; мышление происходит из бытия, а не бытие из мышления". А так как точка зрения Фейербаха была точкой зрения спинозиста, то ясно, что и тождественная с нею философская точка зрения Энгельса не могла быть иною"³². Если ко всему этому добавить, что еще в 1889 г. на вопрос Плеханова: "Так, по-вашему, старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и притяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?" - Энгельс ответил: "Конечно, старик Спиноза был вполне прав", то становится понятно, почему Плеханов заявлял: "Я с полнейшим убеждением утверждаю, что Маркс и Энгельс в материалистический период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы"³³.

Если вдуматься в логику всех этих рассуждений Плеханова, то становится понятным, что Плеханов вовсе не отождествлял диалектический материализм специально со спинозизмом. Определяя философию марксизма как своего рода спинозизм, он хотел тем самым сказать, что, как и во всей материалистической философии нового времени, преемственно связанной с материализмом Спинозы, в диалектическом материализме основополагающее значение должно быть придано идущему от Спинозы принципу материалистического монизма, противоположному дуализму и идеализму. Монизм этот означает, что в мире существует только материя - субстанция, что никакой мыслящей субстанции нет вне этой материи - субстанции, что мышление и движение являются функциями материи. Мышление не тождественно бытию и не может быть к нему сведено. Такое тождество возможно только в идеализме.

Как бы не оценивать взгляды Плеханова на отношение марксизма и философии Спинозы и Фейербаха, фактом остается, что это оригинальные взгляды, которые далеко не совпадают со взглядами Маркса и Энгельса.

Решая философские проблемы, Плеханов в конце XIX и первые годы XX в. охотно прибегал к сопоставлению марксистской философии также с философией Канта. Более того, сравнительный анализ проблематики той или другой концепции приводил Плеханова

к необходимости использовать при изложении марксистского философского материализма материалистические элементы кантовской философии. Дело дошло до того, что оппоненты Плеханова из лагеря российских махистов выдвинули против него обвинение в том, что плехановский материализм - лишь материалистически истолкованное кантианство. То ли под влиянием критики, то ли по каким-то другим причинам, но в период написания "Основных вопросов марксизма" Плеханов стал излагать проблематику материалистической философии, прибегая по большей части к помощи Фейербаха, а не Канта, но суть его концепции при этом не менялась.

В принципе для Плеханова философия Канта и соответственно выдвинутый в конце XIX в. ревизионистский лозунг "Назад к Канту!" были неприемлемы. "Кантовская философия, - говорил Плеханов, - это прежде всего агностическая философия". "Непознаваемое" Канта открывает широкую дверь мистицизму. "Непознаваемое" есть не что иное, как бог, схоластический бог. Такая философия неприемлема для марксизма ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Отвечает требованиям теории и практики лишь философия, исходным пунктом которой является понятие материи. "...Материя, постигаемая нами сообразно ее воздействию на нас, совершенно исключает всякое теологическое толкование"³⁴. Но в другом отношении философия Канта заслужила одобрение Плеханова. Он тщательно разбирает вопрос о соотношении трактовки Канта вещи в себе как предельного понятия, которому ничто не соответствует вне человеческого сознания, с его же трактовкой вещи в себе, существующей вне сознания, и склоняется к тому, что вторая точка зрения, из которой следует признание вещей в себе в качестве причины представлений, ведет к материализму, тогда как первая - к субъективному идеализму. Кантианизм, считает Плеханов, метафеноменалистичен, в отличие, например, от феноменалистического фиктеанизма, поскольку кантианизм "признает действие на нас вещей в себе"³⁵. В этом отношении, по Плеханову, современный материализм не отличается от кантианства, также являясь метафеноменалистическим, поскольку, как и учение Канта, материализм не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действие на нас. Вещи в себе, пишет Плеханов, составляют окружающий нас мир. "В противоположность "духу", "материей" называют то, что, действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или иные ощущения. Что же именно действует на наши органы чувств?" - спрашивает Плеханов и заявляет: "На этот вопрос я вместе с Кантом отвечаю: вещи в себе. Стало быть, материя есть не что иное, как совокупность вещей в себе, поскольку эти вещи являются

источником наших ощущений"; сознание "есть атрибут той субстанции, которая действует на мои внешние чувства и которую я называю материей"³⁶.

Легко заметить, что Плеханов говорит по существу об одном и том же, как в случае, когда он определяет объект современной материалистической философии, прибегая к сопоставлениям с философией Спинозы, так и в случае, когда он сравнивает диалектический материализм с философией Канта. Только в первом случае объект выступает как бы сам по себе, безотносительно к субъекту, а во втором - сквозь призму его взаимоотношений с субъектом. У Плеханова есть, впрочем, такие определения материальных субъектов, при которых он вообще их не сравнивает ни с субстанцией Спинозы, ни с вещами в себе Канта. Например: "Материальными предметами (телами) мы называем такие предметы, которые существуют независимо от нашего сознания, и, действуя на наши чувства, вызывают в нас известные ощущения, в свою очередь лежащие в основу наших представлений о внешнем мире, то есть о тех же материальных предметах, а равно и об их взаимных отношениях"³⁷.

Если проследить за логикой мысли Плеханова в его высказываниях по проблемам материализма, то мы увидим, что он неизменно делает акцент на объективные аспекты субъект-объективных отношений, хотя, естественно, другой аспект он также анализирует.

В философской полемике конца XIX - начала XX вв. очень много толков вызвала кантианско-махистская трактовка неразрывности субъекта и объекта. Позиция Плеханова в этом важнейшем философском вопросе была однозначна. Он считал, что положение "без субъекта нет объекта" в корне ошибочно, что все попытки апеллировать к этому идеалистическому, по его мнению, положению обречены на неудачу. Критика Плехановым субъективного идеализма была оправдана постольку, поскольку понятие "объект" у субъективистов включало в себя всю объективную реальность, всю природу, в том числе и природу до возникновения человека. Солипсистский тезис о том, что вне человека нет другого мира, кроме того, который мы знаем и чувствуем в своей конкретной человеческой деятельности, и что человеческие понятия не являются отражением вещей, но продуктом творчества субъекта (хотя бы "объективного субъекта"), Плеханов, конечно, принять не мог. Как материалист Плеханов был прав, заявляя, что природа не перестает существовать, когда субъекта еще нет или когда его существование уже прекратилось. Когда он говорит, что субъект появляется лишь после того, как объект достигает известной степени развития,

то он прав, ибо возникновение человека и его сознания - это следствие развития природы и истории. Точка зрения Плеханова вполне основательна в том смысле, что она справедливо подвергает критике тот неизбежный солипсизм, в который должны впадать сторонники субъективно-идеалистических трактовок тезиса "без субъекта нет объекта", если их рассуждения довести до логического конца. Однако, отвергнув субъективно-идеалистическую солипсистскую по своей тенденции трактовку той проблемы и дав материалистическое решение, Плеханов не сумел подойти к ней вполне диалектически.

У Плеханова "я" - не только субъект, но также и объект (для другого); материальное существо, тело, обладающее способностью ощущать и мыслить, есть "субъект-объект"³⁸. Каждый из нас является субъектом для себя (я), а для других людей он может быть только объектом (ты). Люди существуют не за пределами природы, а в ней. Поэтому именно природа (бытие, объект) нужно брать за исходную точку во всех философских построениях³⁹. Процесс познания представляется в таком случае как взаимодействие двух объектов, при чем считается, что каждое изменение в объекте - природе отражается на действиях объекта-субъекта. Для человеческого тела результаты действия на него тела внешнего является с объективной стороны чисто материальным, а с субъективной - психическим. Но с той другой стороны он будет состоянием познающего объекта, т. е. субъекта. Только в этом смысле всякое знание является субъективным. Быть познанным, - значит быть для другого⁴⁰. Такая трактовка Плехановым субъект-объектных отношений генетически ведет к гносеологическим идеям Фейербаха. Но Плеханов пытался убедить своих оппонентов, что это и есть теория познания материализма. Он утверждал, что "гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, или, если хотите, она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки"⁴¹. Если, наряду с этим категорическим утверждением, вспомнить о том, что Плеханов ставил чуть ли не на один уровень Фейербаха и Маркса, оценивая их отношение к гегелевской диалектике (в одном месте читаем у Плеханова, что Фейербах и Маркс, различив несостоятельность гегелевского идеализма, "поставили диалектику на ноги и сделали из нее могучее орудие научного исследования", если принять во внимание тот факт, что Плеханов неумеренно высоко оценивал философию И. Дидгена, утверждая, что тот "имел материализме лишь весьма смутное представление"⁴², не замечая небезупречных в теоретическом отношении дидгеновских оценок материализма XVIII в. главного достоинства - критики его огра-

ченности и созерцательности, критики, созвучной с идеями Маркса и Энгельса, то близость плехановской гносеологической концепции к фейербахианству станет очевидной, хотя, разумеется, о тождестве этих концепций говорить нельзя.

Был момент, когда Плеханов решился вступить в спор с Марксом из-за Фейербаха, и этот исторический эпизод лишней раз свидетельствует о глубокой его убежденности в своей правоте. По Плеханову, как мы видели, гносеология Маркса - это гносеология Фейербаха плюс "гениальная поправка". Под "гениальной поправкой" понимается здесь трактовка активной роли познающего субъекта, выдвинутая в "Тезисах о Фейербахе". По Плеханову, "гениальная поправка" Маркса была подсажена "духом времени". "В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между субъектом и объектом именно с той его стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось миросозерцание Маркса-Энгельса. Революция 1848 г. была уже не за горами..."⁴⁴. Уже из такого рассуждения видно, что Плеханов обходит по существу собственно философское значение Марксовой критики Фейербаха. Принципиально новой постановки теоретико-познавательных проблем Марксом в сравнении с Фейербахом Плеханов вообще не может оценить по достоинству. Фейербах, излагает суть дела Плеханов, указывает на то, что наше я познает объект, лишь подвергаясь его воздействию. Маркс же возражает: наше я познает объект, воздействуя на него со своей стороны. Эту мысль Маркса Плеханов признает вполне правильной. Однако здесь же высказывается утверждение, из которого следует, что "поправка" Маркса, с точки зрения Плеханова, фактически ничего не меняет в теории познания. "...В защиту Фейербаха можно возразить, - думает Плеханов, - что ведь и в процессе нашего воздействия на предметы мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они со своей стороны воздействуют на нас"⁴⁵.

Что означает такая постановка вопроса?

Плеханов видел новаторскую роль Маркса лишь в том, что он соединяет философскую теорию познания с материалистическим пониманием истории. В работе "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" он писал, что человек становится субъектом только в истории, потому что только в ней развивается его самосознание. Ограничиваться рассмотрением человека как члена животного царства - значит ограничиваться рассмотрением его как "объекта", упустить из виду его историческое развитие, его общественную практику, т. е. сделать материализм "сухим, мрачным, печальным" (Гете), фаталистическим, осуждающим человека на

полное подчинение слепой материи. Маркс, продолжает Плеханов, заметил этот недостаток французского и даже фейербаховского материализма и поставил задачу исправить его. Исторический материализм является ответом на вопрос, как развивается "конкретная деятельность" человека, как в силу ее развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории⁴⁶. Под субъективной стороной человеческой жизни Плеханов понимал "человеческий дух, чувство, идеи людей". Рассматривать эту сторону с материалистической точки зрения, считал он, значит объяснять историю идей материальными условиями существования людей⁴⁷.

Эти рассуждения Плеханова заслуживают положительной оценки в том смысле, что они способствовали уяснению новаторской роли Маркса в философии, в особенности его идеи ввести практику в теорию познания. По мысли концепции Плеханова, человек, как субъект познания, участвует в познании не просто как индивид, а как общественное существо, существо, не созерцающее пассивно подчиненное, а как творящее, действующее и борющееся существо. Так истолковывалась точка зрения Плеханова его учениками, в частности А.М. Дебориным, уже в начале XX столетия⁴⁸. В этих пределах философия Плеханова преодолевала созерцательность предшествующего материализма, в том числе фейербаховского. Тот факт, что Плеханов вступил в спор с Марксом именно по вопросу об активности познающего субъекта и защищал по существу Фейербаха, или во всяком случае не усматривал коренного отличия Марксовой постановки проблемы от фейербахианства, является ярким симптомом недопонимания им принципиальной значимости критики Марксом созерцательности предшествующих марксизму материалистических систем, включая фейербаховскую. Плеханов не сумел оценить суть различий между взглядами Маркса и Фейербаха на познавательную роль форм живого созерцания и форм абстрактного мышления. Как и Фейербах, Плеханов переоценивал значение первых и недооценивал роль последних. В процессе нашего воздействия на предметы, рассуждает Плеханов, мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они со своей стороны воздействуют на нас. Но в обоих случаях мышлению предшествует ощущение, "мы прежде ощущаем, а потом уже думаем о них". Смысл "поправки" Маркса к гносеологии Фейербаха Плеханов видит в мысли о том, что "человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир. А так как это воздействие на внешний мир предписывается ему его борьбою за свое существование, - продолжает он, - то теория познания тесно связывается у

Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества"⁴⁹.

Действительно, ощущение логически предшествует абстрактному мышлению, побуждает к абстрактному мышлению. Однако справедливо полагая, что ощущения ложатся в основу человеческих представлений о внешнем мире, Плеханов односторонне утверждал, что вообще никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит, нет и быть не может. "Человеческий разум теряется в потемках, как только он выходит за пределы чувственного мира, или, что одно и то же, за пределы опыта"⁵⁰. Эти утверждения не означают, конечно, что Плеханов стоит на позициях ординарного сенсуализма. Он разграничивал, например, вопрос о происхождении человеческих способностей мышления, связанных с биологической эволюцией человека, и вопрос о происхождении человеческих понятий, которые по его мнению, "ни в коем случае нельзя считать продуктом биологической эволюции"⁵¹. "Человеческие понятия возникают на почве общественных отношений. Раз возникли данные понятия, они непременно сами влияют на общественные отношения. Между различными сферами понятий и представлений также существует взаимное влияние..."⁵². О том, что плехановская гносеология отнюдь не тождественна сенсуализму, свидетельствуют многие факты обращения Плеханова к проблемам гносеологической роли форм абстрактного мышления. На первое место в этом комплексе проблем следует несомненно поставить плехановскую трактовку соотношения формальной и диалектической логики. Плеханов отмечал, что если в природе все совершается диалектически, а наши понятия представляют "отражения" процессов, совершающихся в природе, то понятия должны иметь диалектическую природу и не могут быть лишены диалектического элемента. "Кто признает существование в природе диалектических процессов, тот вынужден признавать субъективную диалектику". На этом основании Плеханов, опираясь на идеи Энгельса, критиковал также утверждения о том, что диалектический метод не дает возможности пользоваться точными логическими понятиями, учитывать соображения "здорового смысла", что законы формальной логики якобы несовместимы с законами логики диалектической, что высшая форма мышления - диалектическое познание - вообще отрицает всякое формально-логическое, "рассудочное", "метафизическое" познание. Союзником Плеханова в вопросе о соотношении метафизического, рассудочного, формально-логического мышления и мышления диалектического выступает также Гегель.

Плеханов, возражая против выдвигавшихся критиками марксистской философии утверждений о несовместимости формальной логики и диалектики, о невнимании марксистов к "правилам" мышления, настаивал на том, что мышление по правилам формальной логики является частным случаем диалектического мышления, что диалектика не отменяет формальной логики, но только лишает законы абсолютного значения⁵³. Вслед за Гегелем Плеханов считал, что без точного определения понятий невозможно внимательное отношение к действительности, связывая при этом познание с помощью точных понятий с рассудочным, т.е. недialeктическим мышлением. Опираясь на такие оценки формально-логического, "рассудочного" "метафизического" мышления, Плеханов положительно оценивал познавательную роль индукции, с помощью которой, как он думал, идет накопление запаса научных обобщений. Но рано или поздно индукция как элемент метафизического мышления обнаруживает свою несостоятельность и приводит к мышлению диалектическому (в котором индукция и дедукция органически слиты).

Отмечая все эти и подобные высказывания Плеханова, относящиеся к проблеме познавательной роли форм абстрактного мышления, нельзя не обратить внимания на одну характерную особенность: высказаны они в полемике, в качестве реакции на критику марксистской философии. В работах, где Плеханов в обобщенном виде излагает свою философскую концепцию, эти мысли не занимают сколько-нибудь значительного места. И поэтому о понимании Плехановым соотношения форм чувственного созерцания и абстрактного мышления в основном приходится судить на основании косвенных данных, поскольку о гносеологической роли абстрактного мышления при изложении своих главных гносеологических идей Плеханов почти ничего не говорил, будучи поглощенным по существу целиком вопросом о роли ощущений и вообще форм чувственного созерцания как основных, по его мнению, орудий познания. Но не только почти полное отсутствие пространственных указаний на гносеологическую роль форм абстрактного мышления при изложении Плехановым принципов материалистической теории познания обращает на себя внимание. Некоторые высказывания Плеханова заставляют думать, что он вполне сознательно следовал Фейербаху, который, будучи неудовлетворен абстрактным мышлением в идеалистической философии, апеллировал к чувственности и имел по достоинству оценить рациональные моменты развития идеализмом деятельной стороны абстрактного мышления.

"Для того, чтобы исследовать нашу духовную организацию, писал Плеханов, - "материалист" обращается к экспериментальной

психологии, которая имеет дело только с явлениями и которая употребляет приемы, заимствуемые ею у биологии. Это - более верный путь"⁵⁵. Бесспорно, что диалектико-материалистическая теория познания не может не опираться на данные естествознания, в том числе биологии, психологии и т.д. В этом смысле Плеханов был совершенно прав. Но нельзя не сказать, что в приведенном фрагменте отсутствует указание на иные аспекты рассмотрения проблемы, хотя последняя формулируется в самом обобщенном виде. Нет пожелды доказывать, что исследование "духовной организации человека" не исчерпывается экспериментальной психологией, опирающейся на биологию. Переоценка Плехановым гносеологической роли форм живого созерцания и, соответственно, недооценка форм абстрактного мышления, его невнимание к проблеме активности познающего субъекта, который не просто реагирует на воздействие объекта, но и отражает его избирательно и целенаправленно, воспроизводя уже сквозь призму сложившихся у него ранее, а также переданных ему накопленных в обществе понятий и представлений, иными словами, непреодоленность элементов феербаховской гносеологии нельзя объяснить лишь обстоятельствами полемики против субъективного идеализма. Плеханов вполне сознательно популяризировал свои теоретико-познавательные идеи и даже открыто вступал в полемику с Марксом, если видел, что отдельные Марксовы идеи не гармонируют, так сказать, с его собственными взглядами.

Для Плеханова тезис о совпадении логики и теории познания как основе всякой диалектики оказался настолько "банальным", что и по существу никогда не занимался вплотную этой темой. А у основоположников марксизма метод материалистической диалектики и есть диалектическая логика, теоретико-познавательную суть значение которой они всячески подчеркивали. В "Диалектике природы" Энгельс сформулировал основной принцип построения системы понятий и категорий диалектической логики: Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т.е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формулы одну за другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она разлагает более высокие формы из нижележащих"⁵⁶. Основоположники марксизма считали свой диалектический метод логическим методом, который представляет, с их точки зрения, отражение истории природы и человеческого общества в абстрактной и теоретически

последовательной форме. Они высоко оценивали мыслителей, придерживающихся абстрактно-дедуктивных методов; критикуя одновременно эмпириков и индуктивистов, Маркс специально разрабатывал метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод политической экономии. Для Маркса и Энгельса диалектическое мышление возможно лишь как мышление в понятиях. Характеризуя диалектическое мышление как высшую форму мышления, возможно только для человека, находящегося на сравнительно высокой ступени развития, Энгельс связывает это обстоятельство с тем, что диалектическое мышление имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий. Для мышления необходимы логические категории: исследование форм мышления, логических категорий представляется необходимой и благодарной задачей⁵⁷. "Там, где дело идет о понятиях, диалектическое мышление приводит в меньшей мере к столь же плодотворным результатам, как и математические выкладки"⁵⁸.

Для Маркса и Энгельса понятие есть продукт переработки созерцания и представления. Но диалектическое, философское мышление, с их точки зрения, есть тем не менее прежде всего понятийное, логическое мышление. Гегель, пишет Маркс в "Экономических рукописях 1857-1858 годов", которые, как известно, явились важным этапом в формировании экономического учения Маркса, равного им в "Капитале", впадал в иллюзию, когда понимал реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспринимает его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. "Философское сознание" (термин Маркса относится к гегелевскому идеализму, для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир, - движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир⁵⁹. Это утверждение Маркс считает верным постольку, поскольку всякое реальное, "конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако, - тут же подчеркивает он, - это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющегося и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия"⁶⁰. "Целое, как оно представляется

голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом - образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически"⁶¹.

Если Маркс и Энгельс недвусмысленно заявляли, что главными орудиями философского, диалектического познания являются формы абстрактного, понятийного мышления, имеющего своим источником формы созерцания, то у Плеханова в качестве главного орудия познания выступают формы живого созерцания, а переход от них к абстрактному мышлению остается неясным, хотя он иногда говорил и о диалектике понятий, о диалектическом подходе к теории познания и т.д.

Как же в свете отмеченных черт гносеологии Плеханова выглядит процесс познания?

Поскольку с конца XIX в. Плеханову приходилось разрабатывать свою философскую концепцию в полемике с философскими ревизионистами-неокантианцами, то естественно, что он должен был посвятить много внимания критике агностицизма Канта, его тезиса о непознаваемости мира - этой, по выражению Плеханова, "пожилой догмы кантианства". Философия Канта, по Плеханову, настолько противоречива, что вся кантовская аргументация в пользу идеи непознаваемости "падает, разбиваемая логикой его собственного учения". По Канту, явление - это состояние нашего сознания, вызванное действием на нас вещей в себе. Но если мы предусматриваем действия на нас вещей в себе, значит нам известны по крайней мере некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей в себе, то мы не имеем права называть эти вещи непознаваемыми. Кто говорит, что вещи в себе воздействуют на нас, тот говорит, что он знает некоторые из отношений этих предметов к нам. "Но если мы знаем отношения, существующие между нами и вещами в себе, мы знаем также, - при посредстве нашей способности восприятия, - отношения, существующие между самими предметами. Это не есть непосредственное знание, но это знание, и раз мы им обладаем, мы не имеем больше права говорить о невозможности знать вещи в себе.

Знать - это предвидеть. Раз мы можем предвидеть явление (феномен), мы предвидим действие на нас некоторых вещей в себе. И вся наша промышленность, вся наша практическая жизнь основана на подобном предвидении"⁶².

По Плеханову, познать данную вещь - значит узнать ее свойства, т.е. тот способ, которым она действует на нас непосредственно и посредственно. "Невозможно узнать о вещи больше того, что может быть умозаключено на основании тех явлений, в которых она участвует"; "определение вещи, субстанции или сущности (называйте как хотите) может состоять только в перечислении ее известных нам свойств... Если мы отнимем известные нам свойства, то не останется ничего, о чем можно было бы иметь представление", - цитирует Плеханов Пристли⁶³. "Ничего нет внутри, ничего нет снаружи, ибо то, что внутри, то и снаружи!" - эти слова Гете в понимании Плеханова - "истинно материалистический взгляд на интересующий нас предмет"⁶⁴.

Ощущения, согласно Плеханову, выступают в качестве главного орудия познания - если дано ощущение, то тем самым дано познание вещи. Ощущение, с его точки зрения, является результатом взаимодействия субъекта и объекта. Результат этот зависит не только от свойств объекта, но также и от свойств субъекта. Истина относится не только к субъекту, но и к объекту. Истинно то суждение об объекте, которое соответствует действительному состоянию этого объекта. Истинное для человека субъективно, но оно имеет поэтому также и объективное значение. Истинное, правильное суждение верно изображает действительное состояние вещей. Таким образом, Плеханов объясняет отношение истины к объективной действительности, применяя в качестве основного понятия "соответствие". У Плеханова понятие "соответствия" имеет особое значение. Во всяком случае различие между концепцией Плеханова и концепцией Маркса и Энгельса, которую вполне разделял Ленин, было настолько существенным, что Плеханова не оказалось в ряду защитников материалистического принципа отражения, лежащего, как известно, в основе диалектического метода марксизма.

"Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта, - считает Плеханов, - совсем не похожи на этот последний, как не похожи они на субъекта"⁶⁵. Субстанция сама по себе не похожа на мое представление о материи. "Было бы очень странно, если бы ощущение и выросшее на его почве представление походило на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, ни ощущение, ни представление. Кто же не знает, что бытие в себе не есть еще ни бытие для себя, ни бытие для других?"⁶⁶ "Существующее в моей голове "идеальное" не похоже на то "материальное", с которого оно "переведено..."⁶⁷. Когда Плеханов говорит о такого рода несходстве, например, о "полном несходстве" между звуком (ощущением) и вызывающим его объективным процессом (в данном

случае волнообразным движением воздуха), то понять его легко, и он здесь прав. Но согласно Плеханову, ощущения - "идеальное" - не похожи на объект и в другом смысле. "Формы и отношения вещей в себе, - пишет он, - не могут быть таковыми, какими они нам кажутся, т.е. какими они являются нам, будучи "переведены" в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более как иероглифы"⁶⁸. И вот здесь-то выступает хорошо известная "иероглифическая ошибка" Плеханова. В.И. Ленин в "Материализме и эмпириокритицизме" вскрыл суть этой ошибки, показав, однако, что она не затрагивает основ материалистической теории Плеханова⁶⁹. Отступление Плеханова от материализма, его явная ошибка при изложении материализма, связанная с употреблением понятия "иероглиф", состоит в том, что это понятие вносит ненужный элемент агностицизма⁷⁰.

"Иероглифическая ошибка" Плеханова - не случайность, и проблема "иероглифизма" отнюдь не сводится к терминологическим неточностям, хотя, как сам Плеханов заявлял, известную двусмысленность в данном случае он допускал. Иероглифизм Плеханова вполне гармонирует со всей его гносеологической концепцией. Именно потому, что Плеханов переоценивал гносеологическую роль форм чувственного созерцания и недооценивал активную познавательную роль форм абстрактного мышления, он совершил ошибку. "Иероглифизм, - указывает Пустарнаков В.Ф., - концентрированное выражение тех элементов пассивного созерцания, которые наличествуют в его философии"⁷¹. Исходным здесь является утверждение, которым Плеханов фактически руководствовался, когда излагал свою гносеологическую концепцию - "в знании человека нет ничего, чего бы раньше не было в чувствах", хотя марксистская теория познания отнюдь не стоит на этой точке зрения домарксова материализма: мышление не может и не ограничивается суммированием данных опыта, совокупности ощущений и восприятий; знание человека - это не только то, что дают органы чувств; ощущение, восприятие, представление являются источниками знания, но знание в целом выходит далеко за пределы живого созерцания. Видимо, Плеханов чувствовал, что познавательные возможности форм живого созерцания ограничены. Ведь недаром он не раз обращался к такой традиционной в истории философии теме, как тема: "обманывают ли нас чувства?" В такой ситуации "иероглифизм" для Плеханова самый логичный выход.

"Иероглифизм", в представлении Плеханова, не противоречит основному постулату материалистической философии. На возможность расхождения среди материалистов по вопросу о критерии

правильности изображений при единстве по главному, коренному вопросу "о существовании вещей вне нашего сознания, вызывающих ощущения своим действием на органы чувств", указывал также В.И. Ленин. "Нельзя, - говорил он, - быть материалистом, не решая утвердительно этого вопроса, но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства"⁷². Иероглифизм Плеханова представляет как раз такой случай. По мысли Плеханова, иероглифы не есть нечто произвольное, субъективное. Наоборот, он всячески подчеркивает их объективную природу, поскольку согласно коренным принципам его гносеологии "каждому изменению в объекте соответствует изменение его действия на субъект"⁷³. Настаивает Плеханов также и на соответствии иероглифов мира и вещей в себе, утверждая, например, что иероглифы точно обозначают формы и отношения объективного мира: "Хотя существующее в моей голове "идеальное" не похоже на то "материальное", с которого оно "переведено", но оно имеет тот же самый смысл, если только перевод сделан правильно. Критерием же правильности перевода служит опыт"; "если бы между объективными отношениями и их субъективными изображениями ("переводами") в нашей голове не было бы правильного соответствия, то самое существование наше стало бы невозможным"⁷⁴. Соответствия иероглифов, идеального вообще миру вещей в себе, материальному, Плеханов считал достаточным, "чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них"⁷⁵.

В плехановской концепции основополагающего и решающего гносеологического значения форм чувственного созерцания, которая соответственно означала недооценку форм абстрактного мышления, находится также ключ к ответу на вопрос, почему Плеханов не было среди активных защитников марксистской теории отражения, когда ей заранее приписывается "пассивность" и "созерцательность". Плеханов не мог подняться до Марксовой теории отражения прежде всего потому, что он не поднялся до уровня Маркса в критике созерцательности домарксистских форм материализма, включая феербаховскую. Плеханов хорошо знал, что Маркс и Энгельс - сторонники теории отражения. Более того, он сам не раз повторял вслед за Энгельсом, что наши понятия представляют собой "отражения" процессов, совершающихся в природе. Но всякий раз, когда ему приходилось упоминать теорию отражения Маркса и Энгельса, он испытывал, по-видимому, определенные трудности.

Это проявляется и в его учении об истине. Плеханов определяет истину как "согласие между суждением и его объектом". Но каким образом возникает истина? Определяется ли ее характер и содержание только характером и содержанием объекта, его пассивными воздействиями на субъект? Марксизм исходит из того, что основой познания является не само по себе наличное бытие, а субъективная по форме, но объективная по содержанию, человеческая деятельность по преобразованию действительности, изменение действительности субъектом, т.е. практика. "Без диалектики... невозможна материалистическая теория познания"⁷⁶.

Рассматривая вслед за Марксом практику как конкретно-историческую деятельность, Плеханов показывает, что именно ею определяется и само направление процесса познания и его характер и содержание. Практика в соответствии со своими потребностями ставит перед познанием конкретные задачи, вовлекая в его орбиту определенные объекты. Научные открытия и теории возникают обычно как ответы на социальные запросы времени. Взгляды и убеждения людей не падают с неба: они вырастают на почве их практики, будучи обязаны своим происхождением свойствам тех вещей, с которыми люди имеют дело, и обусловлены тем способом производства, который неизбежен при данном состоянии производительных сил⁷⁷.

Плеханов показывает, что практическую ценность имеют не вообще знания, а конкретная истина, т.е. истина, соответствующая практическим запросам своего времени, и что такая истина может быть достигнута только на основе учета практики. Как на конкретную и, благодаря этому, обладающую ограниченным практическим потенциалом истину, Плеханов указывает на марксизм. Марксистская философия - "философия действия", т.к. она не только объясняет действительность, но и указывает те приемы, с помощью которых можно восторжествовать над слепой необходимостью, преобразовав действительность и сделав ее разумной"⁷⁸. Он обращает внимание на тот факт, что буржуазные идеологи сочли своим гражданским долгом выступить в "критический" поход против марксизма именно потому, что оценили колоссальное практическое значение этой теории⁷⁹.

Находясь в отношении соответствия со всегда конкретной, изменяющейся действительностью, и будучи зависима от всегда конкретной, изменяющейся общественно-исторической практики, истина не может даваться и не дается как готовый, неизменный результат. Она сама есть процесс. "Что такое истина? - спрашивает Плеханов в одной из своих лекций. - Что такое справедливость? Мы

задаем этот вопрос не как Понтий Пилат, а как люди, желающие придать своим речам конкретное содержание. Если понятия о справедливости не диктуются нам богом, если они не врождены, то они развиваются"⁸⁰.

Процесс познания, таким образом, это закономерный и необходимый исторический процесс, совершающийся в определенных условиях времени и места. Понятия и взгляды людей меняются в зависимости от изменения самих объектов и условий познания. Они всегда исторически обусловлены. Результаты, достигаемые человечеством в одну эпоху, в другую обнаруживают свою ограниченность или даже несостоятельность и поэтому оказываются устаревшими. Являясь выражением своего времени, своей эпохи, они имеют временное значение. Следовательно, их относительность есть не что иное, как выражение их конкретно-исторического характера⁸¹.

Указывая на изменяющийся, относительный характер человеческих знаний, Плеханов вместе с тем подчеркивал, что это не мешает им быть неоспоримыми истинами, если только они объективны. Противоречия не разрушают объективной истины, а ведут нас к ней. В результате их разрешения появляется, наконец, всестороннее рассмотрение действительности, а, следовательно, и такая объективная истина, которую уже не устраняют никакие дальнейшие противоречия. Таким образом, каждый отдельный шаг познания неизбежно ограничен, даже если речь идет о деятельности гениального ученого. Ведь действительность как объект познания неисчерпаема, а человеческая жизнь конечна. Поэтому наука во всякий данный период имеет свои задачи и возможности их решения. Но в процессе дальнейшего развития эта ограниченность преодолевается: познание бесконечно развивается, находя свое продолжение в трудах других поколений ученых. Отмечая, что права человеческого разума необъятны и неограничены, как и его силы, Плеханов вслед за Энгельсом подчеркивает постоянно существующее в сознании противоречие между неограниченными способностями человеческого разума вообще и ограниченностью каждого достигнутого им результата и столь же постоянную возможность его разрешения.

Плеханов борется с проявлениями крайнего релятивизма в познании. Одним из таких проявлений было отношение ревизионистов к марксизму. Марксизм рассматривался ими как верный только для одной эпохи. Он писал, что Бернштейн оправдывает свою критику марксистского учения о классовой борьбе будто бы изменившимися практическими задачами, выдвигаемыми перед пролетариатом наиболее развитых стран капитала, в результате чего положение о диктатуре пролетариата оказывается, по его мыс-

ли, изжитым. На самом же деле марксистское положение о диктатуре пролетариата остается в силе до тех пор, пока существуют классы и классовая борьба⁸². В открытом письме Карлу Каутскому "За что нам его благодарить?" Плеханов отвергает всякие попытки оправдать ревизионистскую позицию Бернштейна софистической ссылкой на то верное положение, что, получив великое наследие от Маркса и Энгельса, "...мы имеем дело не с истиной в последней инстанции, а с наукою, которая всегда должна вновь сообразоваться с фактами", "марксистская теория, - говорит Плеханов, - конечно, не вечная истина в последней инстанции, но она является "высшей социальной истиной нашего времени", и поэтому нельзя выменивать эту теорию на меньшую монету разного рода буржуазных течений и приветствовать такие попытки как серьезную критику!"⁸³.

Таким образом, конкретно-исторический характер познания Плеханов ставит в прямую зависимость от практической деятельности людей. Объективность рассмотрения вещей Плеханов выдвигает в качестве основного условия научного мышления. Говоря о путях достижения конкретного знания, он подчеркивает, что за исходную точку берется при этом сама объективная реальность: "Если все зависит от... обстоятельств, то их, значит и должно изучать люди..."⁸⁴ Следовательно, конкретность мышления - это прежде всего объективность. Отвергая представления Михайловского, будто марксизм указывает "обязательный", роковым образом предначертанный для всех стран и народов, независимо от условий их бытия, путь исторического развития, Плеханов подчеркивает, что диалектический материализм конкретен: он никакие страны ни к чему не приговаривает, а исходит из того, что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил и что поэтому надо изучать прежде всего это соотношение. Именно такова и точка зрения русских учеников Маркса. Они руководствуются не субъективистским идеалом и не какой-нибудь абстрактной "формулой прогресса", а обращаются к изучению фактического понимания своей страны, к экономической действительности⁸⁵.

Постоянно указывая на позицию "последователей научного социализма" в познании, как на образец конкретности, Плеханов каждый раз подчеркивает, что каждый параграф в их программе, каждый шаг в их деятельности основывается на внимательном изучении им действительности. Они изучают объективный ход исторического развития, ничего не измышляя, ничего не прибавляя от себя, они берут его в качестве исходной точки своих стремлений, которые, в свою очередь, представляют собой лишь сознательное

сознательного творчества масс, руководимых партиями, в новых условиях исторического развития делает особый акцент на партийной, практически-политической точке зрения. Плеханов же, правильно решая этот вопрос в общетеоретическом плане, отдавая должное субъективному фактору в истории вообще, но не замечая тех качественных изменений, которые произошли в реальной истории на грани XIX и XX вв., продолжает также, как и раньше, апеллировать к слепой исторической необходимости, к объективному ходу вещей. Такая апелляция была единственно верной на заре распространения марксизма. Она сыграла большую роль в борьбе с реакционным романтизмом, революционной фразой мелкобуржуазного социализма и анархизма. Но она становится явно недостаточной в эпоху уже назревшей революции. Более того, теперь эта старая расстановка акцентов - упор на объективный ход вещей - не теряя своей общетеоретической правильности, оказывалась практически вредной, т.к. вела к недооценке субъективного фактора, роли партии в революции, к фаталистической апологии фактов.

Рассмотреть явление конкретно с точки зрения обстоятельств места и времени - значит рассмотреть те изменения, которые с ним происходят под влиянием обстоятельств, т.е. встать на точку зрения развития и применить ее к данному явлению. Говоря об условиях выработки конкретного общественного идеала, он подчеркивает, что превращение абстрактного идеала в конкретный возможно только "посредством идеи развития". Марксистское рассмотрение вещей - это рассмотрение их в развитии и именно поэтому оно конкретно: "Маркс смотрел на общественные явления с точки зрения их внутреннего развития, с точки зрения присущей им диалектики. Поэтому он и держался конкретного, диалектического метода"⁹³.

В статье "Гром не из тучи" Плеханов подчеркивает, что у Маркса нет апелляции к человеческой природе, как к чему-то неизменному и "верховному", он не знает таких общественных отношений, которые или соответствуют этой природе или не соответствуют ей, для него вся история является непрерывным изменением человеческой природы вместе с изменением общественных отношений и учреждений. "Маркс стал на ту конкретную почву, которая создала возможность научного отношения к предмету, то есть отношения к предмету - с точки зрения законосообразности совершающихся в нем процессов, между тем как просветители XVII века и утописты всех веков смотрели на общественные явления с точки зрения отвлеченного (и поэтому ненаучного) или-или, которая исключает возможность нахождения конкретной истины"⁹⁴.

Только знание процесса развития объясняет происхождение явлений, существующие между ними отношения и открывает причины их исчезновения. При этом понятие развития (по Плеханову) необходимо брать во всей целостности его содержания, "вплоть до окончательного исхода включительно", т.е. перехода в новое качество, т.к. понять то, что изменяется - значит выяснить, к чему придет оно на последней ступени своего развития, иначе нет полного понимания. Определение окончательного исхода всякого данного процесса развития Плеханов считает обязательным для его понимания. Но это не означает, что можно познать только отживающее, законченное в своем развитии, как утверждал Гегель. Диалектический материализм на основании того, что отживает свой век, умеет судить о том, что становится, т.е. понять смысл того, что возникает. Если же философия познает только отживающее старое, то такое познание односторонне. Оно ведет к догматизму, к абсолютизации и, следовательно, идеализации прошлого, отжившего. Мысль может выйти за пределы всякой данной действительности только двумя путями: либо путем, ведущим в область абстракции, либо "тем же путем, которым сама действительность... развивая своими собственными силами свое собственное содержание, выходит за свои пределы, переписывая самое себя и сознавая основу для действительности будущего"⁹⁵. Этим последним положением Плеханов указывает, что если мысль не хочет отрываться от действительности, если она хочет быть конкретной, она должна проследить все периоды развития этой действительности. И способность "вызвать образ будущего", выйдя за пределы данной действительности путем определения направления ее развития, является признаком силы человеческой мысли. Огромное познавательное и практическое значение общественной теории Маркса как раз в том, что она выявила тенденции дальнейшего развития современного капиталистического общества и "определила его последний результат"⁹⁶.

Таким образом, в своих работах при рассмотрении проблемы истины, Плеханов подчеркивал сложность, противоречивость процесса познания и в этой сложности, противоречивости видел не возражения против объективной истины, а единственно возможный путь к ней. Он здесь вплотную подходит к вопросу о диалектике абсолютного и относительного в процессе познания, но не дает его принципиального решения. Поэтому не случайно Богданов выбрал бельтовское решение проблемы истины, спекулируя на методологической слабости Плеханова, когда проблема истины стояла в центре борьбы за материализм в гносеологии, он совершенно обходил вопросы диалектики познания, ограничиваясь лишь

безусловным признанием того, что истина состоит в соответствии суждения с его предметом.

Плеханов обходил, более того, считал невозможной постановку и решение проблемы абсолютной истины в материалистической гносеологии. В бессилии французских материалистов решить проблему абсолютной истины он видел не слабость, а достоинство, борьбу с фантазиями, умение всегда держаться опыта.

Мы лишь познаем мир в той степени, в какой он открывается в наших чувствах, поэтому сама постановка вопроса об абсолютной истине была для Плеханова излишня. Плеханов не рассматривал вопрос об относительной и абсолютной истине как вопрос об историческом характере человеческого познания, о степени проникновения познания в сущность вещей.

В борьбе с агностицизмом, релятивизмом Плеханов не дал развернутого, диалектико-материалистического решения проблемы истины, ограничиваясь лишь защитой основных посылок материализма в гносеологии, не применяя диалектику к процессу отражения. Отсюда он делал и не мог не делать уступки агностицизму. Он писал: "Что пространство и время - суть формы сознания и что поэтому первое отличительное свойство их есть субъективность, это было известно еще Томасу Тоббсу, и этого не станет отрицать теперь ни один материалист. Весь вопрос в том, не соответствуют ли этим формам сознания некоторые формы или отношения вещей"⁹⁷.

Плеханов не раз вслед за Энгельсом заявлял, что пространство и время суть коренные условия бытия, формы существования материи и в то же время он считал возможным и не противоречащим материалистической норме познания утверждение, что первым отличительным свойством пространства и времени является их субъективность. Это его утверждение критиковалось в нашей философской литературе как уступка агностицизму. Но встает вопрос: что является гносеологической основой этой ошибки?

При решении второй стороны основного вопроса философии Плеханов всегда подчеркивал, что нельзя путать "существование объекта в себе с существованием его в представлении субъекта". Если бы знание о предмете было тождественно самому предмету, то не было бы никакой надобности в познании, в переводе свойств и отношений на язык человеческого сознания. Истина зависит не только от объекта, но и от субъекта. Но подчеркивая зависимость истины и от субъекта, и от объекта, он не отвечает на вопрос, как следует понимать эту зависимость.

Суть такой двойственности заключается в том, что Плеханов пытается решить одну из сложнейших проблем теории познания, не раскрывая диалектического характера теории отражения.

А вопрос состоит в том, как может содержать наше сознание объективную истину? Содержит ли оно ее во всем объеме целиком или в процессе непрерывного вечного приближения к ней. Только в этом смысле материализм говорит в гносеологии о зависимости истины от субъекта.

Решение этого вопроса возможно через рассмотрение диалектики абсолютной и относительной истин, через раскрытие общественно-исторического характера человеческого познания. Используя слабость, недостаточность плехановского решения проблемы истины, Богданов вскрывает устарелость понятий объективной истины в духе французского материализма XVIII в.: "Как видите, вполне решительно и определенно "объективная истина" не изменяется по существу и не отменяется высшей истиной дальнейшего развития, а только дополняется и подтверждается. И это говорится когда же? В эпоху великой революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая место поражающе новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы"⁹⁸.

Защитнику неизменной объективной истины Богданов противопоставляет истину относительную, которую он называет боевой, зовущей "человечество вперед без конца и без остановки".

Таким образом, как и в период борьбы против неокантианства, Плеханов последовательно вскрыл конечную несостоятельность махизма, указал на неизбежность его развития к солипсизму. Те доводы, которые он приводил против махистов, ничем не отличались от тех, которые он выдвинул против Бернштейна, неокантианцев. Это объясняется тем, что в лице махизма Плеханов критиковал не конкретную школу, а просто идеализм.

ГЛАВА II

1. См., например: Иовчук М.Т., Курбатова И.Н. Плеханов Г.В. М., 1977. С. 201, 220, 224-225, 336-337; и др.

2. См., например: Богданов Б.В. Г.В. Плеханов (1856-1918). Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX - начале XX вв. М., 1984. С. 152, 170, 172, 247; Пустарнаков В.Ф. "Капитал" Маркса и философская мысль в России (конец XIX - начало XX вв.). М., 1974. С. 176, 180, 183-186; и др.

3. Плеханов Г.В. Соч. Т. 7. С. 33; Т. 10. С. 240.

4. Молчанова Т.И. К вопросу о формировании и развитии марксистских взглядов Г.В. Плеханова (логико-методологический аспект) // Проблемы истории марксистско-ленинской философии. М., 1986. Деп. ИНИОН АН СССР № 24403 от 05.03.86.

5. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 375.

6. Там же. С. 374.
7. Там же. С. 375.
8. Там же. С. 493-494.
9. Там же. С. 493.
10. Плеханов Г.В. Соч. Т. 2. С. 27.
11. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. С. 72.
12. Там же. С. 706.
13. Там же. С. 245, 251.
14. Плеханов Г.В. Соч. Т. 2. С. 47.
15. Там же. С. 104.
16. Там же. С. 99.
17. Там же. Т. 15. С. 22.
18. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 148.
19. Там же. Т. 2. С. 691, 693.
20. Там же. Т. 1. С. 123.
21. Плеханов Г.В. Соч. Т. 9. С. 304.
22. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 3. С. 33.
23. Kolakowski L. Die Hauptstromungen des Marxismus. Munchen; Zurich, 1978. Bd. 2. S. 369; Baron S.N: Plekhanow, the father of Russian marxism. L., 1963.
24. См., например: История марксизма-ленинизма. М., 1990. Т. 2. Ч. 2.
25. Плеханов Г.В. Соч. Т. 17. С. 29.
26. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 3. С. 452.
27. Там же. Т. 2. С. 339.
28. Там же. С. 339.
29. Там же. Т. 3. С. 76.
30. Там же. Т. 4. С. 276.
31. Там же. Т. 3. С. 684.
32. Там же. Т. 2. С. 359-360.
33. Там же. С. 360.
34. Там же. С. 341.
35. Там же. С. 435.
36. Там же. С. 446.
37. Там же. Т. 3. С. 228-231.
38. Там же. С. 254.
39. Там же. С. 616.
40. Там же. С. 635.
41. Там же. С. 137.
42. Там же. Т. 2. С. 695.
43. Там же. Т. 3. С. 115.
44. Там же. С. 137.
45. Там же. С. 136.
46. Там же. Т. 1. С. 673.
47. Там же. Т. 2. С. 171.
48. Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. С. 213.
49. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 3. С. 137.
50. Там же. Т. 2. С. 437.
51. Там же. С. 204.
52. Там же. С. 209.
53. Там же. Т. 3. С. 81, 83.
54. Там же. Т. 2. С. 380-381.
55. Там же. С. 415-416.
56. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 538.
57. Там же. С. 537, 538, 524, 555.
58. Там же. С. 408.
59. Там же. Т. 12. С. 727.
60. Там же. С. 727.
61. Там же. С. 727-728.
62. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 340.
63. Там же. С. 407.
64. Там же. С. 407.
65. Там же. С. 438.
66. Там же. С. 446.
67. Там же. С. 445.
68. Там же. С. 447.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 244-245.
70. Там же. С. 248.
71. Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 234.
72. Там же. С. 113.
73. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 438.
74. Там же. С. 445, 447.
75. Там же. С. 447.
76. Там же. Т. 1. С. 483.
77. Там же. С. 667.
78. Там же. С. 692.
79. Плеханов Г.В. Соч. Т. 12. С. 209.
80. Плеханов Г.В. Философско-литературное наследие: В 3 т. М., 1973-1974. Т. 1. С. 74.
81. Там же. Т. 3. С. 53.
82. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 494-496.
83. Там же. С. 366-367.
84. Там же. Т. 1. С. 709.
85. Там же. С. 707-710.
86. Там же. Т. 2. С. 628.
87. Там же. Т. 4. С. 447.
88. Там же. Т. 1. С. 671.
89. Там же. Т. 3. С. 53, 507.
90. Там же. Т. 1. С. 362.
91. Там же. Т. 5. С. 187.
92. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.
93. Плеханов Г.В. Соч. Т. 6. С. 76.
94. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 691-692.
95. Там же. Т. 5. С. 461.
96. Там же. С. 461-462.
97. Плеханов Г.В. Соч. Т. 11. С. 142.
98. Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб, 1908. С. 23-24.